

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

Иосиф РАБИНОВИЧ

ЧЁРНЫЙ ЯЩИК

проза, стихи, очерк

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2009

И. И. Рабинович. Чёрный квадрат.

Проза, стихи, очерк

М.: Вест-Консалтинг, 2009. – 52 с.

Иосиф Рабинович человек знаменитый: нашёл, в составе экспедиции таких же профессионалов-романтиков, легендарный пароход «Челюскин». Свою биографию не воспринимает в отрыве от основных исторических событий родного государства: «Родился после кровавого 37-го, в школу пошел после войны, в институт – после XX съезда, трудиться начал после конца «оттепели», ну а после путча 91-го начал готовиться к пенсии: «Зрелого периода у моего поколения не было: если в 86-м нам говорили: вы молоды, не спешите – у вас еще все впереди, то через 5-8 лет мы оказались стариками без перспектив».

Автор научно-популярных книг, телевизионных сценариев, около 1000 публикаций в СМИ. Издано несколько поэтических книг: «Проникновение» (2002), «Юность бородатая моя» (2003), музыкальный диск «Пою голосами друзей» (2008), постоянный автор альманаха «Словесность», выдающийся деятель культуры и искусства России. В серии «Визитная карточка литератора» представлены проза, поэзия, воспоминания многогранного талантливого человека. И. Рабинович всегда в пути и всегда в творческом поиске на бескрайних просторах России, которую чувствует с Блоковской пронзительностью: «Безысходной любовью горькой, /Так, как любят несчастную мать,/За портвейном о трёх семёрках /Плат узорный её увидеть...»

ISBN 5-86676-057-6

Заказное издание

Книга выпущена в авторской редакции

- © И. И. Рабинович, проза, стихи, хроника поиска «Челюскина», 2009
- © Союз литераторов России, идея издания, составление, предисловие, 2009
- © Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2009

ВАНЬКА ЖУКОВ – 96

Когда мой родной вуз только создавался, на нём бытовала байка-пародия на Чеховского Ваньку Жукова (превращённого в первокурсника). Писана она была моими приятелями Кириллом Ивановым и Юрой Спаржиным. К полувековому юбилею Физтеха (6 декабря 1996 г.) я подумал, что Ванька-то состарился и решил поставить всё с ног на голову. Что получилось – читайте, учитывая, что это написано в 1996 году, в прошлом веке, и публикуется в том же виде.

Иван Николаевич Жуков – 67-летний главный научный сотрудник, доктор физ.-мат. наук и лауреат Госпремии, полвека тому назад отданный в учение на Физтех, поздним вечером 5 декабря 1996 года задержался на своем рабочем месте в кабинете на втором этаже некогда знаменитого, а сейчас полупустого НПО им. Коекого. В коридорах было темно и холодно – сэкономили энергию, но в кабинете было теплее: Иван Николаевич включал масляный радиатор, кипятильник для чая и компьютер – последнее приобретение перед тем, как всё начало рушиться.

Собственно говоря, никаких дел у него не было: времена, когда проектировали и ковали стальной щит Родины и дважды в месяц платили деньги, канули в Лету, но осталась привычка, и Иван Николаевич задержался. Мысли в голову лезли, совсем от науки далекие: вспомнился любимый внук Ванька, также недавно Физтех окончивший и ныне трудящийся по контракту где-то между Миссисипи и Миссури. Внук иногда звонил и говорил, что все у него «о'кей», но деду очень хотелось поговорить с ним спокойно, без спешки. «Напишу письмо», – подумал он, завел в компьютере файл «\ania.doc», и пальцы побежали по клавишам.

«Милый внучек Ванечка, – писал он, – поздравляю тебя с тамошним Рождеством, желаю здоровья и всяческих успехов. Жизнь моя течет без изменений, все меня забросили, один ты у меня остался, да и то где – у бывшего «вероятного противника»...

Он перевел глаза на темное окно и живо вообразил внука, пухлого, румяного четырехлетнего карапуза, которого он учил считать до ста, а в седьмом классе объяснял ему, что такое спин и непрерывность. Поступая на Физтех, Ванька спокойно оперировал тем, о чем сам Иван Николаевич, попавший в Долгопрудный из маленького провинциального городка, узнал где-то в конце первого курса. Теперь от того карапуза мало что осталось – молодой резкий мужик, прекрасно подготовленный в престижном базовом институте и свободно владеющий двумя языками. Дед представил себе, как Ванька, высокий, загорелый, стоит в плавках на комфортабельном побережье Атлантики, а рядом спуют умопомрачительно длинноногие блондинки. «Это отвлекает ребенка от дела», отметил про себя Иван Николаевич, впервые увидевший таких длинноногих на исходе четвертого десятка в помятом «Плейбое», провезенным его приятелем на пузе через границу, после редкой в те времена командировки в «коварный зарубеж».

Иван Николаевич вздохнул и продолжил.

«А вчера у нас была выволочка. Выволокивали последний недостроенный вариант «стального щита Родины». Выволокли за нос, как паршивого кутенка, во двор, разделали автогенном подчистую, загрузили на трейлеры и отправили на лом то ли в Индию, то ли в Голландию. А подпевалы Генерального нашего, который все, что мог, уже прихватизировал, особенно директор по маркетингу, начал этим же щитом мне в лицо тыкать: «Теперь, говорят, Иван Николаевич, буржуи из него эректоров наделают – хоть какая польза будет». И то сказать, последнее готовое изделие под ночной клуб переоборудовали, в аренду под дискотеку сдали. Арендатор доволен, еще бы: там такая система активной обороны – если что, от рэкетиров одни голые молекулы останутся! И еще издаются: «Входите в рынок, Иван Николаевич!» И главное – работы нет, разве что пустяки какие-нибудь, например: приспособить активную оборону к городским условиям, а то зеленые, видите ли, в Думе крик поднимут. А что до зарплаты и дивидендов, так это Генеральный со своими орлами сами получают».

Он вздохнул, поправил очки на переносице и продолжил: «Милый внучек, забери меня отсюда к себе, никакого житья не стало, да и не в зарплате в этой дело, просто то, что я знаю, здесь никому не нужно. А баксов своих не присылай – не в этом счастье, да и тебе там они не лишние – ты еще молодой. Кстати, о баксах: билет на юбилейный вечер Физтеха стоит 50 зеленых – вроде как по доллару за год, ну да это мы решим как-нибудь. Главное, что мальчишки еще на Физтех идут учиться, и за это им большое от нас спасибо. А ты все-таки забери меня к себе, я тебе все делать буду: и материалы подбирать – конечно, как язык подгоню, и с необходимыми и достаточными условиями подсоблю, ты ведь, я помню, этих строгостей никогда не любил. А может, и я куда работать там устроюсь, если старика возьмут. Лишь бы дело делать. Вот только щит для них ковать – это уж нет, это – накоси, выкуси! Это совесть не позволяет. Ты только возьми меня отсюда. Ну да ладно, еще раз с грядущим Рождеством и с Новым годом тебя».

Тут Иван Николаевич припомнил, как водил Ваньку на дефицитную елку во Дворец Съездов, и почувствовал, как защемило сердце. Он достал патрончик с валидолом, положил таблетку под язык и подписал: «Не забывай, твой дед Ваня».

Закончив письмо, Жуков вспомнил, что неделю назад за счет какого-то международного фонда помощи инвалидам холодной войны их НПО подсоединили к Интернету, и даже полуразвалившийся отдел режима не возразил. Краем уха Жуков слышал, как в этот Интернет входить, он решил попробовать, и – видать, есть бог! – попал с первой же попытки. Когда хитрая система попросила его указать е – мейловский адрес получателя, он подумал немного и затем набрал: vnoochek@us.com.

Компьютер заглотал письмо, Иван Николаевич выключил его, погасил свет и быстро пошел к проходной. Там он помахал пропуском перед дремавшим вахтером и вышел к остановке, торопясь на последний троллейбус: его старый «жигуленок» уже полгода как стоял на приколе под окнами квартиры. По дороге домой Жуков, позевывая, с усмешкой, вспомнил почему-то, как в

Ванькиных нынешних годах, заканчивая кандидатскую, все время видел во сне необходимые и достаточные условия.

Дома жена уже спала, и Жуков, проглотив на кухне холодную жареную «ножку Буша», нырнул под одеяло в своем восьмиметровом кабинетике, которым они с женой когда-то очень гордились. Под одеялом он быстро пригрелся и заснул. Но снились ему не достаточные условия, а только необходимые...

ЯГОДА – МАЛИНА

Si vis amari, ama.

Если хочешь быть любимым, люби.

Сенека

Пароход был не просто большой и очень красивый, нет, он был прекрасен, как был прекрасен июльский день и все кругом. Еще бы – я еду с мамой и папой на пароходе и еду за малиной. Особенно важно, что с папой, это я понимал уже, ведь сказочный июльский день имел место в 1944 году. Мне пять лет, мы уже вернулись из эвакуации в Москву и папа с нами. Одного этого было достаточно для полного счастья. Отец, безумно уставший, получил неделю отпуска, и каждый день ложился после обеда отдохнуть, естественно и я ложился рядом с ним и усилием воли сжимал абсолютно несжимаемые веки. Дневной сон я ненавидел всей своей детской душой и вел по этому поводу затяжную войну с бабушкой, но с папой рядом – это совсем другое дело, и я радостно жмурился на своем сундучке укрытый стареньким ситцевым халатиком, от которого так уютно пахло домом и мамой.

Вернемся, однако, на борт парохода – собственно, только одного его было достаточно для самых буйных моих восторгов. Дело в том, что во мне, абсолютно сухопутном ребенке, жившем на восточном побережье Патриарших прудов, необъяснимо поселилась морская душа. Сколько я себя помню в самом раннем детстве, я не хотел быть ни летчиком, ни танкистом, ни артиллеристом, а только моряком. Я пытался ходить какой-то

особой походкой и, как замороженный, слушал рассказы Бориса Житкова в бабушкином исполнении. Но в том сорок четвертом я уже умел читать и просил купить или достать книжки о моряках. Детскую матросскую бескозырку с золотыми буквами «Герой» на ленточке я носил с шиком заправского морского волка, а о тельняшке не смел и мечтать. Это теперь их продают на каждом шагу, да что в них теперь толку, да и сам я теперь старая сухопутная крыса. Правда иногда, когда гляжу на огромный перламутровый конус малайской раковины, стоящей на моем книжном шкафу, что-то занает внутри – хотя, возможно, это просто стенокардия.

Вернемся, однако, снова на борт парохода. Носил он почтенное имя «Михаил Калинин». Это не соответствовало надписи на бескозырке, да ведь я не был формалистом и гордо прошел на верхнюю палубу и стал, в картинной позе, прислонившись к поручням, ибо опереться на них я, по причине роста, не мог.

Так я стоял и вполголоса отдавал команды, морской волк, худенький, с большой стриженной головой. А сзади на облезлых деревянных лавочках сидели родители и, наверное, счастливо улыбались. Еще бы, они были живы и вместе, а их головастик, их «маленький», как они называли меня промеж собой, стоял в трех шагах от них, приподнявшись на цыпочки и предельно серьезно командовал пароходом. Что еще нужно было им, таким молодым, хотя мне они казались весьма солидными людьми. Всего этого я, понятно, не видел, но теперь-то представляю отца, переводящего добрый прищуренный взгляд с «маленького» на свою «чернобурочку», так иногда он называл маму, жгучую брюнетку, за красивую серебряную прядь, появившуюся у нее чуть ли не в студенческие годы. Они оба улыбались, как будто бы знали, что впереди у них, без малого, полвека вместе. Два часа пролетели как миг, и пароход подвалил к обшарпанному голубому дебаркадеру с надписью «Тишково».

А вот и малинник, для меня это все было внове, но я быстро освоился и стал собирать малину, естественно, в рот. А кругом неистовал июль: огромные мохнатые шмели гудели в траве, радужные крылья стрекоз перелива-

лись на солнце. Да мало ли чего хорошего было кругом, но я ощущал все это сразу – ощущением полного душевного комфорта, необъяснимого тогда и так понятного и недоступного теперь, после всего прожитого.

А где-то совсем недалеко гремела страшная война, и вот-вот должна была начаться операция «Багратион», и войска Рокоссовского войдут в развороченный Минск, но дома деда и бабушки уже не будет – в него угодила тяжелый снаряд и только ветер колышет огромную, едва ли не в рост, папину фотографию в четырехлетнем возрасте. И папа уже сирота, хотя и не знает еще, что дед и бабушка убиты в гетто.

Но я-то собираю малину полными горстями, и она, согретая солнцем, источающая восхитительный аромат, замечательно вкусна. Руки, губы и рубашонка на мне – все в малине, а я нахожу еще одну особенно крупную и бегу показать маме: «смотри, какая жирная!».

Во дворе всех толстых детей, правда, их немного было в то время, мы дразнили «жиртрестами». Но поведение родителей мне кажется странным. То, что папа гладит мамино плечо и целует ее за ушком, не вызывает никакого удивления: ведь мама у нас очень хорошая, и мы все ее любим: и я, и папа, и бабушка. Удивляет другое: оказывается, вкуснейшую малину они не едят, а собирают в бидончик. На мой вопрос последовало объяснение: родители не очень любят малину, а мне она так нравится, вот они и собирают, чтобы и дома я мог полакомиться, да еще бабушка немного варенья сварит – малиновое варенье полезно при простуде. Отметив про себя, что простуда одно из приятнейших заболеваний, я удовлетворился объяснениями и вернулся к сбору малины.

Не помню, сколько прошло времени, пока гудок парохода не призвал нас на дебаркадер. И снова «Михаил Калинин», ведомый моими командами, рассекал гладь водохранилищ и канала. В Химки мы приплыли поздно, а в метро я даже задремал, пригревшись между родителями. А вскоре и вовсе капитально сопел на своем сундучке в нашей коммуналке на Малой Бронной, для того, чтобы наутро проснуться для жизни. Жизни, которая вся еще была впереди.

*

Двадцать лет спустя. Пароход «Михаил Калинин» лежит на борту, притопленный у старого дебаркадера «Тишково». Малинников вокруг я не заметил, кругом были дачи, дорога и спортивные лагеря многих московских институтов. Да и не мог я узнать тех мест, двадцать лет – это двадцать лет. С берега на пароход были перекинuty широкие доски, и кое-кто из любопытства заходил на то, что осталось от гордого парохода моего детства. Это было безопасно, и многие студенты из спортлагеря нашего института – и ребята, и девушки – забирались туда.

И Она пошла вместе с нами, рыжая, длинноногая, ставшая недавно моей половиной и носившая в своем заметно округлившемся животике мое продолжение. Я бросаю взгляд на «Калинина» и вижу: она идет по мокрой скользкой балке от палубного тента, а под балкой – железяки. Кричать нельзя: вдруг испугается и сорвется, это поняли все и молча ждали исхода. И вот она идет своими длинными загорелыми ногами по этой скользкой, проклятой балке и ее живот, обтянутый белой юбкой с огромными малинами плавно покачивается почти над бездной. Боже, что же она делает и когда же кончится эта балка? Ведь она несет над пропастью самое дорогое, что есть у нас! Наконец-то и балке пришел конец, я хватаю ее за руки, и кажется, готов убить ее, а может, это только кажется. Вот она улыбается своими зелеными, как крыжовник, глазами и говорит: «Ну, что ты, доска-то была широкая». После этого убивать ее уже нет никакого смысла – как говорится в писании – «ибо не ведают, что творят». На них вообще почему-то нельзя кричать: сначала, чтобы ребенок не родился нервный, потом, чтобы молоко не испортилось, а потом они к этому прибегают и это самое ужасное.

*

Даже страшно сказать, сколько еще прошло с той мокрой балки. И тот, который внутри сидел, родился в срок, чуть не отправив свою длинноногую маму на тот свет, родился головастиком, но все обошлось, и пошла,

поехала жизнь. Что с ним потом стало, а стало всякое, не о том сейчас речь, это, как говорится отдельная песня.

Так вот, нынешним летом умер папа, умер тяжело, пережив на три года в одночасье ушедшую маму и после этого сразу утративший смысл жизни: почти шестьдесят лет рядом – это не что-нибудь, это даже осмыслить не просто.

Так вот, в это лето, уже после похорон, мы с Барабашкой – так у нас прозывается папин правнук – идем в лес, идем за малиной. Оно, конечно, сейчас не сорок четвертый и мой внучок, а ему столько же, как и мне тогда, пробовал и не раз не только малину, клубнику и смородину, но и всякие папайи, ананасы и киви. Но за малиной в лес он идет впервые. Дорога не из легких – это вам не Тишково, наша фазенда находится возле деревни с поэтическим названием Сапогово, на 101-ом километре.

Солнце печет, шмели гудят, стрекозы сверкают – все как тогда, да я не как тогда. Зато маленький в восторге и ловит полный кайф – он представляет себя таким суперменом, идущим сквозь джунгли, благо этого барахла видит по телевизору и видику с избытком.

И вот, наконец, огромная старая вырубка, заросшая малиной. «Дедуля, сколько ягодов», – кричит он, от возбуждения уродуя грамматику. И вот уже руки, губы и рубашонка – все в малине, он счастлив и не из-за ягод, а просто счастлив: и единением с природой, и тем, что дошел, как настоящий мужчина, и вообще, потому, что этот мир прекрасен. Я его очень понимаю, потому что я ничего не забыл, ни Тишково, ни той малины, ни таких юных маму с папой. И мы садимся с Барабашкой на пенек, пьем воду из старой фляжки, едим бабулины бутерброды и я рассказываю ему о том далеком военном годе, о пароходе, о том, что я не знал даже слова такого «папайя», о его предках, и даже о том, как надо, на мой взгляд, жить на этом свете. Рассказываю о той ягоде-малине полувековой давности, а затем, сам уже не знаю почему, спрашиваю: «А как ты думаешь, почему они не любили малину и собирали ее в бидончик?»

И тогда маленький хитрован и мудрец поднимает на меня серые звездочки своих прищуренных глаз и просто

объясняет мне без долгих рассуждений и философий: «Потому что они тебя любили».

Солнце решительно заваливалось за лес: завершился день, завершился месяц, век, тысячелетие, наконец.

МАШЕНЬКИНЫ ВЕРШИНЫ

*(минироманчик с прологом и эпилогом)
Женщины всегда любят дурных людей.*

Э. Гонкур

Пролог

В безлюдном уголке Памира, на крутом серпантине, изгибающемся дугой над пропастью, стоит крест, сваренный из стального уголка. А на перекрестье болтается проволочный обруч с поблекшими обрывками-лоскутками. Видимо, это всё, что оставили от поминального венка свирепые горные ветры. И всё, что осталось от кого-то, чью память должен был увековечить венок.

И память, и цветы, даже искусственные – недолговечны. Редкие проезжающие – будь то смуглые и угрюмые местные киргизы или шумные альпинистские компании – равнодушно минуют этот символ оборвавшейся чьей-то судьбы: мало ли их стоит на обманчивых горных тропах? А сколько – на равнине? Недосуг вспоминать, что за каждым из них – жизнь, обрубленная одной роковой секундой, чья-то недописанная повесть, оконченная жестоко и неожиданно. «Sic transit gloria mundi» – древняя римская мудрость суха и непреложна. А если кто и помнит историю одинокого креста, так они сегодня – не в этих горах...

Глава 1. ДЕРЕВЯННЫЙ АВТОМОБИЛЬ КАК СРЕДСТВО

Андрей Балбошин с детства был пацаном, уверенным в себе. Когда родители впервые отвели его в детский сад, и мальчишки стали его дразнить, он схватил деревянный автомобиль и стал охаживать обидчиков. Те сразу же отступили, и Андрей скоро стал лидером в группе.

Этот случай, на первый взгляд незначительный, сыграл огромную роль в жизни мальчишки, а потом мужчины. Иди напролом, и пусть боятся соперники и восхищаются женщины. Кстати, драться кулаками вовсе не обязательно – можно и словом резануть так, что мало не покажется. Главное, чтоб чувствовали твоё превосходство, и неважно даже, есть ли оно в действительности...

Школа, институт и альпинистская секция закалили и укрепили Андрея морально и физически – он рано стал мастером спорта, и по специальности почти не работал. Горы стали его работой, его домом, он стал инструктором, писал в спортивных журналах, его фотовыставки горных пейзажей имели успех – он даже получил несколько иностранных дипломов. В мире альпинистов он был фигурой известной, а когда грянула перестройка, Балбошин уже водил иностранные группы на Памир и Тянь-Шань, а наших альпинистов – по заграничным горам. Женщины играли в его жизни важную роль – благо, в горных пансионатах их хватало, и они исправно клевали на его серые, презрительно сощуренные глаза, на улыбку уверенного в себе мужчины. Этому не мешало наличие красавицы жены Тамары, последнее даже льстило некоторым дамочкам: при такой жене и без ума от меня! Впрочем, насчёт «без ума» они сильно заблуждались – Андрей никогда не терял головы. Он жил уверенно, принимая как должное подарки судьбы, ни минуты не сомневаясь в том, что всё это заслужено им – талантливым, волевым и мужественным.

Глава 2. РЕШИТЕЛЬНАЯ ДЕВУШКА

Маша Пенкина считала, что она родилась мальчишкой. Маленькая, с ладной фигуркой, она лазила по деревьям, гоняла на велосипеде и даже стреляла из рогатки. Родители её развелись рано – Маша выросла с отчимом. Нет, папа не забывал её, между бесконечными жёнами и любовницами находил время для дочки: интересовался учёбой, всячески поощрял занятия живописью, и даже устроил Машу в престижную художественную школу че-

рез одну из своих дам сердца. Но когда Маше пришла пора получать паспорт, случилось несчастье – Борис Пенкин утонул в небольшой речушке во время пикника. Он и выпил-то совсем немного – скорее всего, просто от-казало любвеобильное сердце. По иронии судьбы его и схоронили на берегу этой речушки, на скромном кладбище подмосковного райцентра.

Так Маша стала состоятельной наследницей, невестой с приданным. Через год она легко поступила на художественный факультет и как-то неожиданно для себя лишилась девственности: ей показалось, что она влюбилась в человека на десять лет старше. (Как часто в юности мы принимаем за любовь такую естественную в этом возрасте игру гормонов...) Маша была решительная девушка, а может, сыграли свою роль отцовские гены, и она пошла навстречу ухаживаниям до конца.

Коля Николаев появился в её жизни под конец института – рослый, с бородой, тоже постарше неё, талантливый скульптор и реставратор – он произвёл на неё сильное впечатление. Был он разведён, странно сочетал в себе богемность и религиозность – пел в церковном хоре, реставрировал храмы, и в то же время вёл рассеянный образ жизни художника. И Маше снова показалось, что она влюбилась – правда, на этот раз дело кончилось не банальной связью, а браком, венчались в церкви. Ради этого Маша даже крестилась. Мама возражала против этого брака: Машина мама возражала вообще против многих Машиных желаний, но наследница Бориса Пенкина настояла на своём. Они стали жить в отцовской квартире, жить на широкую ногу, попросту проедая наследство. Николай стал больше времени уделять делам церковным и работе «ради искусства», не особо беспокоясь о хлебе насущном. Зато брюхатил Машу исправно: ведь контрацепция – дело безбожное. Феденька и Тимоша родились с интервалом в два года. Мальчишки подросли, пошли в садик, и Маша устроилась художником в одну из рекламных фирм, что как грибы стали вырастать на почве неразвитого капитализма. Надо было кормить семью: наследство растаяло, как дым, а Коля считал, что работает на потомков – нет, не на своих пацанов, а на некое гипотетическое завтра.

Однажды Маша заглянула Дом художника на Крымском валу – там открылась выставка книжной графики. Уже все оглядев и спускаясь с третьего этажа, она наткнулась на рекламу фотовыставки некоего Андрея Балбошина «Лучше гор могут быть только горы». Вид розового рассветного Казбека приворожил Машу: ей казалось, что свежий горный воздух струёй вливается в лёгкие, и хотелось бежать, нет – лететь куда-то, навстречу чему-то неясному, но очень манящему. Щёки порозовели, и даже немного закружилась голова.

Придя домой, Маша заявила Коле, что неплохо бы поехать летом в горный пансионат. С чего бы это, изумлённо ответил муж. Хочу пописать горные этюды, вот на выставке была – захотелось. Дурью мучаешься, мир художника – у него в голове, – бросил муж, привыкший за годы супружества исподволь подавлять Машу своим авторитетом. Но на этот раз коса нашла на камень – жена фыркнула недовольно и замкнулась. На следующий же день пошла в свой бывший институт и устроилась в альпинистскую секцию. Отношения с Колей дали трещину, особенно после того, как Маша забеременела в третий раз. Неожиданно жёстко и резко заявив мужу, что она – не свиноматка, Маша, впавши в грех, сделала аборт. Организм оправился быстро, и Маша с упоением ездила на тренировки – лазала по стенкам наравне со студентками и студентами. И выглядела она под стать им – маленькая, крепкая, с непослушной копной каштановых волос. Парни заглядывались на неё, это было приятно – чувствовать себя привлекательной и желанной. Но у неё была сейчас одна любовь – горы, и Маша неслась навстречу этой любви. Ах, кабы знать, что ждёт в горах, но неисповедимы пути господа Бога, в которого Маша истово верила. Как верила и в то, что горы и есть её счастье....

Глава 3. ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ЛУЧШЕ ГОР

Альплагерь встретил солнышком и мягким теплом – группу повели знакомить с инструктором. Андрей, – представился он. Маша обмерла: она тут же вспомнила

и розовый Казбек, и портрет автора фотографий. И ей сразу стало ясно, что вот оно – её горное счастье. Она плохо помнила, как представлялась инструктору, почти теряя сознание под взглядом насмешливых серых глаз. Он тоже заметил её – и каштановую копну, и зелёно-карие кошачьи глаза, и крепкие ножки, и небольшую, почти девичью грудь, и выразительные бёдра рожавшей женщины... Намётанным глазом охотника он увидел, что это его добыча – попалась птичка.

Дальше всё как в дыму, в тумане – Маша и не помнила, как оказалась в его постели. Её душа и тело парили в такой эйфории, огонь страсти был настолько жарок, что в нём вмиг растаяли и стыдливость, и воспитание. С ним она становилась податливой и развратной, и, видит Бог, не осознавала этого – она была инструментом наслаждения в опытных руках маэстро, извлекавшего из натянутых струн её души и напряжённого, жаждавшего ласки тела все, что ему хотелось. Лёгкий привкус грубости, всегда присутствовавший в их безумных ночах, как кайенский перец, делал наслаждение ещё острее.

Маша и оглянуться не успела, как оказалась на автобусной остановке – прощание на людях было до боли корректным, а хотелось поцелуев и всего-всего....

Дома Николай не задавал ей никаких вопросов. Да и к чему: жена просто лучилась счастьем, и он понимал, что к нему это не имеет никакого отношения. А когда он в очередной раз приступил к ней с педагогическими сентенциями по какому-то незначительному поводу, она вспыхнула, наговорила ему кучу неприятного и подала на развод. И выгнала из квартиры, благо у мужа было собственное жильё. Господи, она свободна и скоро, очень скоро появится Андрюша! Она слала ему нежные СМСки. Обрывала мобильник. Но любовь не только ослепляет человека, но и делает его глухим. Видно, природа или Бог устроили так, что вся энергия уходит в это всепожирающее чувство в ущерб другим. Маша не почувствовала в ответах, письменных и устных, волнения, подобного её собственному – напротив, Андрей был полон юмора и какой-то странной доброжелательности.

А Андрей не то чтобы испугался, но уж удивился не на шутку. Как неглупый взрослый человек – в этот год он отметил полтинник – Андрей почувствовал накал страстей, бушующих в этой маленькой женщине. Это льстило – она была чуть ли не на двадцать лет моложе – но сулило непредсказуемые последствия, а их-то Балбошин и не любил больше всего. Уже вернувшись и узнав, что она разводится, Андрей забеспокоился в высшей степени. И напрасно – Маша вовсе не планировала отбить его у Тамары, ей просто был нужен он, он весь и всё тут. А вот этого Андрей не принимал – он принадлежал только себе и больше никому. Они встречались торопливыми урывками, мгновенья счастья были так коротки и всё же потрясали Машины чувства надолго. Андрей не скрывал даже от неё свои интрижки, он смотрел на эти вещи просто. Маша, конечно, была женщина современная, далеко не тургеневская барышня. Но весь фокус заключается в том, что вся эта современность хороша, когда речь идёт об интрижках, о курортных романах, об увлечениях типа «Ты меня любишь, милый? Да, я обязательно перезвоню тебе, дорогая!» А вот когда задета сердцевина, когда увлечение переходит во влечение, причём непреодолимое, до потери сознания – тогда вся современность слетает, как шелуха, и обнажается ранимое, ничем не защищённое сердце, не способное держать удары судьбы, терпеть обиды и пренебрежение.

А встречи были редкими – пара выездов в Швейцарские Альпы, поездка в Киев и короткие свидания в Москве... Балбошин был вечно занят, а может, просто избрал это. А Маша страдала, срывала своё настроение на сыновьях, пыталась уйти в работу, всерьёз заняться живописью, но это не очень-то помогало. От отчаянья она завела роман с бизнесменом-ровесником. Он осыпал её дорогими подарками и безумно ревновал, причём без повода – о Балбошине он и не догадывался. Его бесили бесконечные СМСки от альпинистов, художников, заказчиков рекламы – везде ему чудились блуд и измена. Уже от него Маша уехала с Балбошиным и группой в Альпы, объяснив ревнивцу, что это запланированная поездка на международную встречу. Возвращение вышло для

Маши грустным. Они ехали из Шереметьева на такси с Андреем и ещё одной женщиной – Андрей жил ближе всех, где-то на Соколе он остановил машину, с улыбкой попрощался и вышел, даже не предложив дамам денег на такси. На следующий день ревнивец устроил-таки Маше скандал и даже ударил её, потом валялся в ногах, просил прощения и снова осыпал подарками. Маша металась по жизни как тигрица по клетке, стала язвительной, резкой, могла и послать по-матерному.

Глава 4. ПОРТРЕТ У ОКНА

К тому времени она работала в альпинистском журнале – там была возможность лишний раз встретиться с Андреем. Однажды в журнал зашёл художник – Илья Борисович Ратнер. Он принёс рисунки. В журнале Маша работала журналисткой, но художника не было в тот день, и Ратнером пришлось заняться Маше. Досидели до обеда и пошли вместе в суши-бар, что находился рядом. Илья Борисович был вдвое старше Маши, но за столом они так мило разговорились, и Ратнер показался ей человеком, которому можно довериться. Где-то уже к концу обеда Маша подняла на него свои кошачьи глаза и неожиданно спросила: скажите, а нужна ли вообще любовь? Кому она нужна? Илья Борисович опешил и принялся успокаивать Машу, заметив слезинки в уголках её глаз. Он начал подбирать слова, желая не столько ответить на вопрос молодой красивой женщины, по его понятиям – девчонки, а просто успокоить. Не так легко найти слова, когда говоришь с малознакомым человеком. Прошло минут пять, как Ратнер начал свою сбивчивую тираду, когда в бар зашёл высокий мужчина. Маша увидела его и сразу поднялась, улыбаясь навстречу. Мужчина небрежно кивнул Ратнеру и, приобняв Машу, вышел с нею из бара.

Мужик Ратнеру сразу не понравился, особенно выражение глаз и то, как по-хозяйски он взял женщину за талию. А Маша – наоборот, понравилась, и даже очень. Он даже успел снять её на цифровую камеру, пока обе-

дали. Дома он просмотрел снимки – девчонка выглядела восхитительно – и тут же отослал фото оригиналу по электронной почте, за что получил «спасибо» в ответ. Он частенько возвращался к мысли о Маше, и однажды позвонил ей на мобильный. Она подошла не сразу, и как-то сбивчиво сказала, что она сейчас не в Москве, и будет только на следующей неделе. Дней через десять он позвонил снова и пригласил на выставку Ренуара. Она с радостью согласилась. Снимая с неё в гардеробе пальто, Илья Борисович ощутил едва уловимый, но очень приятный и манящий запах. Спятил, старый придурок, подумал он про себя, но запах возбуждал и щекотал нервы. Они походили по выставке, потом попили кофейку в буфете, и она подвезла его на машине до метро. Маша поначалу не придавала встрече значения – Ратнер не ей, а Андрею годился в отцы. А сам он понял, что попался.

Нет, она не расставляла ему сети, но истинная Женщина, полная ароматов сладкого греха, подманивает мужчину самым фактом своего существования. И началась у него эта история последней любви, любви безнадёжной, горькой и сладкой одновременно. Ратнер вскоре уже был в курсе всех Машинных обстоятельств, понемногу он узнал и о Коле, и об Андрее, и о ревнивом покровителе – бизнесмене. Ревновал ли он? И да, и нет! Но Балбошина возненавидел. Это не было тривиальной завистью к счастливому сопернику. Тем более, что соперник вовсе и не был счастлив – он употреблял окружающий мир, и Маша была частичкой этого мира. А для Ратнера на ней свет клином сошёлся. Мечта о близости стала для него навязчивой идеей.

И свершилось – летней короткой ночью мечта стала реальностью. Илья Борисович думал, что у него выскочит сердце, когда на рассвете, взяв такси, ехал в свою квартиру. Проспав несколько часов, он сел за мольберт, и к вечеру на полотне появилась обнажённая женская фигура, освещённая солнцем – это была Маша, стоящая у кружевной занавески, через которую лился солнечный свет. Он не сразу показал её Маше, а только через месяц, наедине, когда пришёл к ней поздравить с днём рожде-

ния – компания собиралась за день до этого. Когда он развернул картину, Маша залилась краской. «Илья, ты вообще думаешь о чём-нибудь? Как я повешу её?» «Я думаю, думаю, Машончик, думаю только о тебе, а картину можешь выбросить или сжечь».

Ратнер старался ввести её в круг художников – Машины картины уже демонстрировались на небольших выставках. Ей помогли и даже устроили небольшую персональную выставку в одном из престижных киноцентров.

Дальше события замелькали как в калейдоскопе. Осенью Маша тяжело заболела, её оперировали, но всё обошлось – Ратнер навещал её, стараясь не пересекаться с покровителем.

Глава 5. БОЛЬ И СЧАСТЬЕ

Андрей позвонил только раз. Вот теперь он испугался, нет – не того, что Маша в принципе могла остаться инвалидом – он испугался отчаянности её любви, отчаянности, казалось, граничившей иногда с безумием. За пару дней до выписки (в уикенд) она, отпросившись у докторов, в выходном наряде, бледная, шатающаяся от усталости, приехала на альпинистскую тусовку. Своим друзьям и знакомым она объяснила, что ей надо, наконец, развеяться, набраться позитива. Но этот позитив нужен был ей как щучке зонтик: ей нужен был Он, и никто другой. И она увидела Его, прогуливающегося с очередной пассией. Он заметил Машеньку и быстро исчез. Маша рассеянно пробродила по выставке лишний час. Потом, вдребезги уставшая, еле доехала до дома, и весь следующий день провалялась в постели.

А через день опять приехала потусоваться с друзьями, но, конечно, чтобы еще раз увидеть его. Она пила с ним и его компанией, что было категорически запрещено. И всё закончилось постелью и счастьем, смешанным с жуткой болью. Домой она попала под утро, и весь день провалялась в постели со льдом на животе, лихорадочно звоня знакомым врачам: а вдруг там что-то не так?

К вечеру боль усилилась. Приняв сильное болеутоляющее, уснула с одной мыслью: только бы наступило завтра, чтобы ей срочно вернуться в клинику к доктору, на осмотр. Завтра, слава Богу, наступило – она вернулась в больницу, всё как-то обошлось, и через несколько дней её вообще выписали домой.

А Андрей даже не позвонил ей. Более того, он поделился с одним общим их приятелем подозрением в искренности её чувств, хотя вроде никакими корыстными побуждениями объяснить это было нельзя, и потому беспокоило Андрея, очень ценившего определённую моральный комфорт.

Глава 6. ПРЕКРАСНЫ В АЛЬПАХ ЭДЕЛЬВЕЙСЫ

Уже выйдя из больницы, Маша получила письмо от одноклассника, с которым случайно встретилась в Вене, когда ездила в Альпы. Он и его жена приглашали её погостить, а может и подобрать работу по одной из своих специальностей – инструктор альпинизма или художник-оформитель.

Ну что тебе сказать, Машуня, заметил Ратнер, услышав от нее, что она хочет принять приглашение. Поезжай, а если тебе будет там хорошо, то я буду только рад за тебя. И Маша улетела на два месяца, потом вернулась и улетела уже с подростками мальчишками. А через год вышла замуж за владельца альпийского отеля «Эдельвейс», куда поначалу устроилась работать.

А в далёкой Москве Андрей говорил друзьям – вот ведь, и какая там любовь, я всегда подозревал, что девочка с подвохом, – и ему становилось легче, как становится легче жулику, пустившему следствие по ложному следу.

Ратнер писал Маше длинные письма, присылал фотографии своих картин, и Маша даже показывала их супругу – вот как рисует мой учитель. Портрет у окна, написанный Ратнером, она привезла с собой и выдала своему новому мужу, не очень разбирающемуся в живописи, за автопортрет.

Глава 7. СЕРПАНТИН И КАЛИНОВЫЙ КУСТ

А через год после машиной свадьбы Андрей Балбошин, не справившись с управлением, слетел с памирской горной дороги в пропасть. Маша узнала об этом через месяц – кто-то из альпинистов сообщил ей. Она ушла к себе в спальню и не выходила до вечера. А утром, вставши с постели, почувствовала какое-то странное облегчение и, чмокнув мужа в щёчку, потащила его к завтраку.

А ещё через пару лет Маше сообщили, что Илья Борисович Ратнер умер, поехав с молодёжью на этюды в Хибины. Его нашли около калинового куста, и вечная ратнеровская сигарета ещё тлела около мольберта.

Она и тут ушла в спальню и долго смотрела на свой портрет у окна. Женским чутьём чувствовала Маша, что ушёл человек, понимавший её, как никто другой. Про его любовь она старалась не вспоминать, но слёзы всё-таки брызнули из её глаз.

И стало ясно, что ещё один, может быть – последний страховочный конец, державший альпинистку Мари Вупперфельд (урождённую Машу Пенкину) в связке с далёкой Москвой – лопнул. А может быть – не конец лопнул, а якоря, тянувшие её назад, отпустили, и жизнь начиналась с чистого листа? Сорокалетняя женщина, в расцвете зрелой бальзаковской красоты, обожаемая заботливым мужем – что ещё нужно для счастья? Нет, горы положительно улыбались ей, и она улыбалась горам.

Эпилог

Недалеко от Вупперхалля в красивейшем уголке австрийских Альп, там, где шоссе поднимается к перевалу, есть площадка, с которой открывается чудесный вид на зелёную долину. На этой площадке частенько можно видеть голубой автомобиль и даму с мольбертом. Фрау Вупперфельд, вдова, владелица отеля «Эдельвейс», а также ряда туристских точек в округе, по-прежнему в хорошей форме – она ходит в горы, её картины часто выставляются на выставках, даже и в Вене. Она, как и

раньше, обожает быструю езду – голубой «Феррари» тому подтверждение. Местных жителей порой смущает лихость хозяйки «Эдельвейса», но они привыкли к этой сумасшедшей русской. Сыновья – разъехались, однако исправно вместе со своими жёнами и детьми навещают «муттер» по семейным и календарным праздникам. Словом – нормальная, счастливая европейская семья.

Фрау Вупперфельд любит работать на той самой площадке, с которой открывается чудесный вид. Она пишет горы. Но если бы кто-нибудь из проезжающих по шоссе заглянул бы в её мольберт, он был бы немало удивлён. На полотне он бы увидел не идиллический пейзаж горной Австрии, не зеленую безмятежную долину, а – серые обрывистые скалы и каменистый серпантин над мрачной пропастью. А у самой скалы, рядом со странным железным крестом, жмётся куст с кроваво-красными ягодами. Что это – калина? Но ведь калина – равнинное растение, она никогда не взбирается на голые негостеприимные горные вершины...

Верный ответ знает одна только Маша.

Но этот пейзаж фрау Вупперфельд никогда не выставляет на вернисажах.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

КРЫЖОВНИК

Натуле

День закончится ласковым вечером,
И на землю сойдет забытьё.
Положи-ка головку на плечи мне,
Длинноногое счастье моё.
И не мучься пустыми вопросами –
Это лето нам стелет постель,
Над лугами, над сизыми росами
«Спать пора» поет коростель.
То, что будет – ещё за туманами:
Коростель, вороньё, соловьи...
И целую безумно желанные
Неумелые губы твои.
Мы глупы, как любые влюблённые –
Не страшны ни беда, ни гроза...
И твои бесконечно зелёные,
Как неспелый крыжовник, глаза!

ПОД СТОН ПУРГИ АПРЕЛЬСКОЙ

*В такую погоду хороший хозяин
собаку за дверь не выставит...*

Поговорка

Метёт апрельская пурга,
Финал декабрьской грозы,
И день, и жизнь настолько сероваты,
И облаков разорванная вата,
Как шерсти клочок свалявшийся, лохматый,
Принадлежащей Сидору козы!

Всё с рук и глаз долой, –
Не время для лихачеств.
Пурга скулит и мечется как зверь,

В такую мразь кромешную, поверь,
Я знаю, пса не выставит за дверь
Хозяин даже самых средних качеств!

К чему стихи твои, к чему?
И ты сидишь угрюмый,
Уставший счастье добывать в борьбе, –
Заковырялся в собственной судьбе,
Не важно, кто припомнил о тебе,
Куда важней, о ком ты сам подумал!

А дума у тебя всего одна:
Она, она, она, она, она!

СВИРЕЛЬ

Март уходит в апрель, снова талость уходит
в усталость,
И кудрявенький Лель по утрам прочищает свирель,
И играет о том, что до лета немного осталось,
Что умолкнет капель и в лугах запоёт коростель.
Сколько песен таких было смолоду мною пропето,
Сколько было любви в этих песнях, что пела душа,
Как мы жили тогда в ожидании счастья и лета...
Стынет кофе в стакане, угасла, сгорев, сигарета,
Лист бумаги так девственно чист –
не могу сочинить ни шиша!
Можно взять коньяку –
он привычно расширит сосуды
И воздвигнет иллюзию, будто всё так, как тогда...
Хватит клапана мне! – Протезировать мозг
я не буду,
Коль иссякло перо – я готов тебя встретить, беда!
Станет серым мой мир, как пола
у солдатской шинели,
Станет тесен мой мир, как чердак,
что набит барахлом,
Ох, как мало, мой друг, в этой жизни с тобою успели,
Забывая о Леле, о трелях его и свирели,
Увлекаясь борьбой с повседневно ликующим злом!

Март уходит в апрель, снова талость уходит
в усталость,
Друг, не лезь в свой портфель –
ведь давно затерялась свирель,
Ох, как долго ещё ждать до счастья и лета осталось,
Нам увидеть хотя бы, как в май переходит апрель!

ЖЕНЩИНАМ

Отмечают с упорством редким
И Крыжополь, и Санкт-Петербург
Праздник имени Клары Цеткин
Вкупе с Розою Люксембург!

Я иду к тебе без букета –
Не люблю я быть в табуне.
Краснопузое празднество это,
Откровенно скажу, не по мне...

И насмешками весь обвешанный,
Говорю у всех на виду
Круглый год я люблю вас, Женщины,
А не день единый в году!

Вас, кокетливых и колючих,
Знавших толк в любви и в борще,
Я люблю не от случая к случаю,
Не по поводу, а вообще...

И – непонятый, но убеждённый,
Уверяю тебя в одном:
Каждый день с тобой проведённый,
Будет праздничным – Женским днём!

Но как прежде с упорством редким
И Крыжополь, и Санкт-Петербург
Праздник празднуют Клары Цеткин
Вкупе с Розою Люксембург!

Конечно, здесь условия слабы,
Нет Родионовны – любезной няни,
Что привела бы девок для гульбы
И глубины всех будущих писаний...

А в телевизоре, пока он не издох,
Показывали Пушкинское племя,
Числом две сотни и – помилуй Бог! –
Такая смесь и рас, и поколений!
Французский старый поп, гавайская мадам,
Бельгийский инженер, похож на предка ростом,
Ну, а по-русски, доложу я вам,
Кто – кое-как, кто ни бельмеса просто...

Но, что роднит потомков дальних гения, –
За двести лет (а этот срок не мал!)
Никто ни одного стихотворения
По-русски, ни строки не написал,

Их предок – царь российского Парнаса,
Не завещал им оседлать Пегаса, –
Потомки не писали всяких книг.

Пускай меня за эту мысль охают:
Насколько всё же Пушкин был велик,
Что двести лет природа отдыхает!

P.S.

*Поэта в предки Бог мне не дарил,
И потому пернатого конягу
Седлаю, как могу, по мере сил
И, оседлав, – сжигаю керосин,
Перевожу чернила и бумагу...*

КАК ВСЕГДА

Не вдовою Клико под морозом,
Не избушками возле рек,
Пахнет лаптями и навозом
Золотой девятнадцатый век.
Глубже глянь, – с афоризмами странными
Выступает мудрый Монтень,
А в костре догорает Жанна,
Что же тень наводит на плетень...
Что Россия там, что Европа –
У людей – человечьи грехи,
Смертным боем лупят Эзопа,
За поэзию, за стихи!
Мчится времени колесница,
Так же грозен судьбы оскал,
И Камоэнс в рабстве томится,
А какие стихи писал...
Лиха ли – не кураж весенний
(Ведь не старые, полные сил),
А полез же в петлю Есенин,
Маяковский курок спустил.
И затравленный жизнью скотской,
Как поэт, – совсем не у дел,
Так, неизданным, умер Высоцкий,
Песню хриплую не допел.
Так зачем трепать себе нервы,
И ссылаться на те года –
Мы вступаем в век двадцать первый,
И всё будет так, как ВСЕГДА!

КОЛЛЕКЦИЯ ТИПОВ

ОДНОЛЮБ

С восторгом я о нём упомяну,
Без лишних слов, без домыслов досужих:
Всегда любил он женщину одну,
Но не всегда притом одну и ту же...

БЕСКОРЫСТНЫЙ

Он ближнему в компот частенько гадил,
Изящно, а не грубо, точно слон,
И, главное, что это делал он
Не корысти, а артистизма ради...

ЛИДЕР

Всегда во всём был первым – не иначе,
И в очереди в кассу был удал,
Вперёд, вперёд – пусть неудачник плачет,
Но под раздачу никогда не попадал!

ПОЭТЕССА

В её стихах такое пламя пышет,
Какой-то ад: кипит, клокочет сера,
Ну, а по жизни не поднялась выше
Банального, простите, адюльтера ...

ПАТРИОТ

Такой он поднимает тарарам,
Аж публика отбила все ладоши;
Я всё, кричит, за родину отдам,
Что ж не отдать, когда процент хороший...

НАРЦИСС

Пример редчайший представляет он,
Подумайте – интрига-то какая:
Он с детства по уши в себя влюблён
Взаимно, и соперников не знает!

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНЫЙ

Всё предусматривал, везде соломку стлал,
Не полагался он на Божью милость,
И поняли тогда, когда он дуба дал:
При жизни ничего с ним не случилось...

ФЕМИНИСТКА

Мужчина – хам, насильник и подлец,
Пропившееся, грубое создание,
Ну что мне с ними делать, наконец,
Взять, что ли, парочку на воспитание?

ПОДХАЛИМ

Как сладостно любимым быть холопом,
Снискав за то награды и отличия!
И тот, кто век лизал начальству жопу,
Так и помрёт в лучах её величия...

ПОДСВЕЧНИК

Он с пелёнок понял, что возможно
Преуспеть, приём усвоив главный:
При совке был яростный безбожник,
А теперь – такой же православный!

ОЗВЕЗДИНЕЛЬНЫЙ

От любой людской похвалы
Бронзовеет до озвездинения.
Чуть иначе – заноеет: завистливы люди и злы,
И пинают несчастного гения...

ОБИЖЕННЫЙ

Он на судьбу обижен и сердит,
А в чём причина? Да она проста:
Как будто он открыл судьбе кредит,
А та не возвращает ни черта...

ИНТЕРНЕТПОЭЗИЯ

Я с пером-топором выхожу на сайт,
И быть может, мысль моя и стара,
Это только кажется, что жизнь «суперлайт»,
А дерёт, как дедовская махра...
Рубанул пером – пополам перо,
И быть может, мысль моя и глупа,
Есть заноза в сердце – вот где ядро.
А коньяк и кофе – лишь скорлупа.
Как же тяжело водит пером рука,
И быть может, мысль моя не нужна,
А любовь порой грубей наждака,
Это только, кажется, что нежна!

МОЯ ЛИКВИДНОСТЬ

Оформляю инвалидность,
Эскулапов тороплю,
Вот и всё – моя ликвидность
Близится уже к нулю!
Всё, что нажито по жизни,
Всё растратил, не храня,
И помянут лишь на тризне
Непутёвого меня...
Что осталось? Книжек пара,
Песен диск, увы, один, –
Сам бы спел их под гитару,
Да куда там – музкретин!
Правда, внуки есть и дети,
Но, потомки и родня, –
Не пройдёт и полстолетья,
Разве вспомнят про меня...
Року не попрекословишь, –
Рог упёр в меня, как бык:
– Жил на свете Рабинович,
А остался – только пшик!

МЕМУАРНОЕ

Все пишут мемуар, а я что – рыжий?
Нет, я, ребята, честно вам скажу:
Ну, не ходил я с Визбором на лыжах,
Я вообще на лыжах не хожу!
И я не шлялся с Галичем по бабам,
С красоткой Бэлой не крутил я флирт,
И может утешеньем очень слабым
Служить тот факт, что пил с Высоцким спирт...
Ну, пил и пил – событие какое.
Понять не могут люди одного –
Явление это, очень рядовое,
Не отразилось в творчестве его.
И более чем взрослый, просто старый,
Я призываю на исходе лет:
Вот уж таких – не надо мемуаров,
Не опускайте тех, кого здесь нет!

ЭЛЛЕГИЯ

Я увидел и молвил: «Ух, ты!»
Не ждал я от судьбы подарка,
Но ты вошла, как входит в бухту
Крутая яхта олигарха!
И одарив меня улыбкой,
Дарила поцелуй, когда
Неясный свет надежды зыбкой
Сменился ярким жарким ДА!
А кто за это всё ответит?
Ведь не игрушечки, хи-хи,
Останутся, так вышло, дети
И как придача к ним – стихи...
И вперив взор в небесны выси,
Я твёрдо заявляю вам:
От Бога многое зависит,
Но всё же главное – от дам!

БОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО

Нелёгко труд творца всего земного,
Задача непомерна эта,
Теперь поднапрягитесь-ка немного:
И вот вам Бог в лице поэта...
Конечно, в общем виде труд немалый
Решать проблему – дел невпроворот,
С лягушки скромно он начнёт, пожалуй,
А там, глядишь, на Еву посягнёт!
За дело взявшись, как обычно бодро,
Изыщет он потребное сырьё,
В начале, уж конечно, будут бёдра,
Потом – другие прелести её...
А стихотворец, он такой упрямый,
Ему и главный орган по плечу,
Да, да, и губки дуть не стоит, дамы:
О женском сердце я сказать хочу.
Но фокус в том – поэт, ваяя тело,
Употребляет слово, а не дело,
А слово вечно – то-то и оно,
А делу это часто не дано!

ЭЛЕКТРИЧКА В ВЕЧНОСТЬ

(памяти Венечки Ерофеева)

И всего-то с ладонь книжка,
Но от боли – сердце в куски...
Русь увидел русский мальчишка
В электричке Москва – Петушки.

Не берёзки и не смородина,
И не праздничный бег коней –
Как же нужно любить свою родину,
Чтобы так написать о ней!

Безысходной любовью горькой,
Так, как любят несчастную мать,
За портвейном о трёх семёрках
Плат узорный её увидеть...

В день любой, при любой погоде,
Злому времени вопреки,
Электричка в вечность уходит
По маршруту Москва – Петушки!

В ЛЕСУ АПРЕЛЬСКОМ

Я сижу в лесу апрельском
На берёзовом бревне:
Ни стихов, ни вин, ни женщин -
Ничего не нужно мне!

Всё здесь призрачно-прозрачно,
Как ни вслушиваюсь я,
Ни единой нотки мрачной –
Щебет птиц и плеск ручья.

Да душа поёт и молит,
Чтоб навеки, навсегда:
Юный лес, до неба – поле
И хрустальная вода!
Чтоб о мелком – только мельком
Чтоб взлететь вот здесь, сейчас...
Может быть, в лесу апрельском
Я сижу в последний раз?

МОЙ ШЕДЕВР

Я о прошлом и настоящем
Не пекусь, потому – суета,
Символ завтрашний – чёрный ящик,
Вот о чём у меня мечта.

Чтоб эстетам была приятна
До конца идея моя,
Закажу шесть стенок квадратных
Шестерым Малевичам я.

И собью, сколочу свой ящик,
И упрячу подальше впрок,
Пусть пылится шедевр блестящий,
Пригодится ещё, дай срок.

А когда, подчиняясь закону,
Отхожу своё, отпою,
Суньте ящику в мрачное лоно
Закопчённую душу мою!

Знаю, я ни к чему Гекубе,
Но эстеты будут болтать:
«Рабинович – Малевич в кубе,
Вот придумал, так его мать!»

ТРОЕ В ОДНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ, НЕ СЧИТАЯ РАБИНОВИЧА

Второй заход на «Челюскин»

В августе 2004 года в связи с семидесятилетием Челюскинской эпопеи состоялась международная подводная археологическая экспедиция «Челюскин -70». Она шумно освещалась в СМИ, но кончилась ничем – легендарный пароход так и не был обнаружен на дне Чукотского моря. Автор со товарищи, сжав зубы, готовились два года ко второй попытке. Её хронике и предлагаю читателю.

Как всё не похоже на 2004 год! Никакой помпы, никакого телевидения, уезжаем тихо, без шума. И нас всего четверо, а не 24 персоны, как тогда. Бесконечные смены дат, даже сама возможность поездки долгое время подвергалась сомнению, вымотали нас до предела. В результате к моменту вылета (а он настал внезапно) мы остались без Саши Бородина – он должен был выполнять свои служебные обязанности – везти в Анадырь послов скандинавов. Не едет с нами и ещё один участник «Челюскин – 70» Андрей Родионов, водолаз, оператор, способный починить компьютер, компрессор, да и всё, что потребуется. В связи со свистопляской со сроками он полетел в Португалию снимать первенство мира по подводной охоте, и вернуться к нашему авральному отлёту не успевает.

10 сентября. Время московское

14.00 Мы четверо – Лёша Михайлов (начальник экспедиции, водолаз), Саша Федосеев, Лёша Кошелев (водолазы) и Иосиф Рабинович, учёный секретарь экспедиции – грузим оборудование из квартиры Михайлова в Газель. Газель набита до отказа.

С пробками по Москве за полтора часа добираемся до Домодедова. Разгрузились под начавшимся дождём, багаж занял семь тележек – добрых полцентнера, а то и больше, чудовищный перегруз. Перевезли всё в здание аэропорта и ждём регистрацию, по очереди ходим курить, пить кофе и в туалет. Сижу на мусорной урне жду ребят.

17.00 Зарегистрировались. Сдали 140 кг багажа, осталось ещё три раза постольку, если не больше.

17.30 Приехал Саша Бородин с послами и выдающимся путешественником и альпинистом Питером Хилари. Слава богу, на них можно повесить перегруз. Оказалось, что не весь – содрал-таки с нас Трансаэро 1000 у.е. за лишний вес. Всё начинается с денег и кончается ими. Как говорить, первым делом надо решить вопрос Высоцкого, а именно: «Где деньги, Зин?» Слава Богу, помогла, как всегда, администрация Чукотки, нашлись и Райфайзен банк и страховая компания Стандартрезерв. Но и они ничего не смогли бы сделать, если бы не Олег Кожемяко – губернатор Корякии. Но Олег Николаевич – участник «Челюскина-70». И тогда он ответил на вопрос журналистов из НТВ, что поиски Челюскина будут продолжены обязательно. И сдержал слово – мы ещё в Домодедово, а СРТМ «Рогачёво» уже входит в Анадырскую бухту.

19.30 Боинг 767 взмывает в Домодедовское небо. Дальше – 9,5 часов пытки сервисом без никотина: кроме Михайлова все курящие.

11 сентября Время чукотское

14.15 Боинг коснулся полосы Анадырского аэродрома. Аэропорт новенький, с иголки – прям как на Аляске, туалеты получше домодедовских, жаль только тележек багажных ещё не завезли. Потихоньку начинаем перетаскивать наши шесть с гаком центнеров багажа на улицу и дозваниваться до агента, обслуживающего наш пароход. Агент – очаровательная брюнетка Танечка не заставила нас ждать долго по чукотским меркам времени. Наконец она приезжает за нами на Уазике – буханке с двумя рядами сидений, уместились все, до отказа набив кузовок. Почти без приключений с помощью баржи добираемся до города и едем в порт.

А вот и наш пароход СРТМ «Рогачёво» стоит у стенки, ждёт нас. Нас встречают радушно, багаж, кроме личного, бережно размещают в трюме. Каютки маленькие, но уютные. Нам с Михайловым достаётся двухместная келья, ребятам трёхместная, к ним подсядет тележурналист с Анадыря. Кэп (Сан Петрович – симпатичный

голубоглазый, почти двухметровый крепыш с пушистыми рыжими усами – прямо кэп из энциклопедии) зовёт ужинать, но скорее это банкет – коньяк, морские деликатесы: трубач, мидии, кальмары... Пьём за успех нашего дела: ох, и вправду удачи нам бы поболее! Появляются анадырские телевизионщики – две девушки и два парня, идти с нами должны были девушки, но идут эти ребята. Всё бы хорошо, но нет пока разрешения на отход – какие-то сбои между Москвой и Владивостоком.

12 сентября. Разрешения на выход нет и нет. Проснулся Владивосток – молчание, ждем, когда проснётся Москва. Кстати, из всех сотовых монстров здесь работает только МТС, мой Билайн молчит как рыба. Прошёлся по Анадырю – хорошеет город с каждым годом. С моря вчера он гляделся ярким многоцветным пятном на фоне бурых осенних сопок. Теперь иду по улице с яркими магазинами и кафешками, люди одеты не хуже москвичей, женщины в изящных сапожках, правда, ещё не зима и всё жё...

Надо же какой собор поставили, что твои Кижы! Всё резное, дерево золотиться под янтарным лаком. Заглянул в магазин – купил тройник-переходник с нашего на евро, на пароходе все розетки наши, а зарядники в фото, видео, ноутбукам с евровилками. Зашёл на радио Пурга – предупредить, чтобы никакой шумихи, ведь всё равно они будут сообщать. Обедал у Алёны Вакарик, редактора местного радио, ел мантак – вяленую китовую кожу со слоем сала.

Вернулся на пароход, разрешения нет, нервничаем, Михайлов всё время бегаёт звонить по всем чиновникам, гражданским и военным. Команда от нечего делать пытается приручить евражку – чукотского суслика – их много околачивается в порту. Евражка идёт на контакт охотно, набивает за обе щёки семечки, сухари и всё утаскивает в своё логово под контейнерами – у него тоже северный завоз.

13 сентября (время корабельное).

7.30 Молниеносный выход в город за памперсами – забыли купить. На глубине 50 метров температура – минус полтора градуса, организм реагирует естественно и не до

приличий. Памперсы нужного размера нашлись в третьей по счёту аптеке, на такси, праворульной Тойоте, кубарем скатываюсь в порт и через 10 минут отваливаем.

9.30 На берегу возня с отдачей чалки, обмен крепкими комплиментами боцмана с берегом и мы начали последний этап пути к тебе, Челюскин.

10.00 Берега пропали из виду, и Берингово море показывает свой характер, ветер крепчает час от часу, волны тоже, качка становится всё ощутимей. Хорошо, что успели закрепить всё оборудование в трюме, а в каюте у Саши и Лёши летает табуретка, у нас бутылка с минералкой. Укрощаем разгулявшийся инвентарь и пытаемся бороться с морской болезнью. В общем, жить можно, только перемещаться с непривычки трудно и всё время тянет спать. Спим. Подъем, пробежка по коридору, недолгая борьба с массивной дверью гальюна и снова по стенке шнырь в каюту, плюхаешься на шконку, задевая за острый угол стола, всуе поминая Бога и мать и снова сон «на свежем воздухе» – иллюминатор отдраен, но вот волна набрала новую силу и мы закупориваемся наглухо.

11.30 Обед. Он по-прежнему великолепен, но все воспринимают это великолепие по-разному. Перед обедом принимаю таблетку от качки, так, на всяк случай, для профилактики. Высовываюсь на улицу, пытаюсь снять это безобразие – кадры неубедительны, не передают ощущения мизерности физических возможностей человека. Время не помню. Чуть полегчало, и пытаюсь работать, сидя в кают-компани. Делаю неприятное открытие: наша старая посудина (30 лет для СРТМки возраст почтенный) как матёрая шлюха не только покачивает бедрами, но и лихо виляет задом – в корме качает сильнее, а кают кампания на корме. Шикарный ужин выливается в игру с тарелками и кружками. Едва успеваю поймать банку с сыплющимся растворимым кофе. Здесь всё надо сразу закрывать и наливать неполную кружку.

После ужина сон. Спим всей группой вместе с притихшими телевизионщиками. От такой диеты: «поели – поспим, поспали – поедим», пожалуй, скоро и в каюту не пролезешь.

14 сентября.

Качает по-прежнему. Прогноз на Берингов пролив неутешителен. Визит в гальюн в качку – поистине акробатический этюд. Но нужда, особенно немалая, всему научит. Освоен и этот цирковой номер. Перед обедом консультируем боцмана на предмет изготовления лабораторной мебели, он делает столик для двух ноутбуков, которые будут подключены к поисковому оборудованию. Согласовав ТЗ на столик, обсуждаем с ним проблему флагов наших спонсоров – они должны гордо реять над нами в процессе поисков, что должно быть зафиксировано на фото и видео: деньги любят и счёт, и отчёт. Однако решаем повесить всё это рекламное великолепие только после удачного завершения поиска – пуганая ворона куста боится.

Слава богу, немного поутихло. Идём мимо Провидения. Какой-то погранначальник с Провидения радирует: «Стой! Кто идёт?». Получив в ответ номер разрешения, успокаивается. Вспомнился анекдот: Скажи парол! – Парол! – Проходи!

После ужина, как всегда обильного, в кают-компании крутим кино – фильмы Серёжи Холошевского об экспедиции 2004 года и о поездке в Исландию.

После кино болтаем, пришёл кэп, погода по курсу хорошая, на точку прибудем завтра в 15 -17 часов. Так устали от спанья, что проболтали до 4.30 утра. Хотели выпить чаю, но мой новый кипятильник имеет такого папу, что маму подобрать к нему невозможно – ни наша, ни европейская розетка не поддаются. Европейку уломали, в конце концов, где уж ей коня на скаку остановить.

15 сентября (время корабельное).

7.30 Завтрак. Спали мало. К качке привыкли. К тому же она умеренна.

14.00 Прибыли на точку: солнце, полный штиль, на воде сидят бакланы и глупыши. Море голубое, как в Севастополе. Начинаем собирать и готовить «рыбу» к боевому крещению. «Рыба» – это подводный сонар, бьющий в обе стороны по 400-500 метров. Блестящий цилиндр диаметром с руку и ростом метра полтора с круглой как у кефали головой и маленьким оперением

сзади, он набит внутри хайтеком для работы и, ох какой, стоимости и залит свинцом для тяжести. Оказывается, секрет алхимии прост – берешь свинец, везёшь через полмира, платишь авиакомпании за перевес и он превращается в золото.

На нашу золотую рыбку накинута уздечка, через которую пропущена вожжа – стометровый кабель – за него рыбу тянут за пароходом, по нему же и управляют.

Начинаем нарезать галсами намеченный квадрат, здесь должен быть Челюскин. Да ничего он никому не должен, этот заколдованный Сёма Челюскин, в памяти ещё свеж позапрошлогодний наш афронт и злобное ехидство недоброжелателей.

Елозим по квадрату – кэп ведёт тяжёлую СРТМку (полста метров длины), как жигулёнок на фигурном вождении – точно и без огрехов. Но на экране компьютера тишь да гладь, один, второй галс на самом малом ходу но, не останавливаясь: на большой скорости рыбка воспаряет к поверхности и плохо видит, остановишься – плюхнет на дно, что нежелательно: может и вовсе скапутьиться.

В радиорубке, где сгрудилась наша команда и моряки, раздаются нервические смешки. Глаза слипаются, иду в каюту и, рухнув на шконку, мгновенно засыпаю. Снится всякая гадость и ухмыляющийся Семён Челюскин.

22.00. Вскაკиваю, будто укололи иголкой – в каюте Лёша Михайлов, глаза навывкате, понимаю, что рыба зацепила нашего друга Семёна. Прыжками по трапу и в радиорубку: пишет компьютер, рисует пароход – различимы даже бак и корма. Утюжим это место – во всех направлениях, и эхолот прощупывает дно, наконец-то уверенно рисуя рыжий бугорок. Неужели эта закорючка в полпальца размером и есть тот пароход, который снился нам последние три года. Правда, в натуре он 13 метров в высоту, остальные 4 метра покоятся в придонном иле.

16 сентября

6.00. Эти елозанья по морю заняли всю ночь. Наконец, точно на том месте, где эхолот начинает рисовать бугорок, бросаем тяжёлый груз с привязанным на тросе

буйком, связкой пятилитровых бутылок из-под питьевой воды. По нашим расчётам он должен плюхнуться на палубу Челюскина.

Завтракаем, и начинаем готовиться к погружению. Забиваем баллоны глубоководным коктейлем: гелий, кислород, остальное воздух. Погода – класс: солнышко и штиль, голубое Чукотское море. Трудно себе представить, что в этом идиллическом сейчас месте через три-четыре месяца под жутковатым светом полярных сияний будут трещать и гроздиться друг на друга толстенные льды, которые и раздавили 72 года назад злополучный объект, скрытый от нас толщей воды.

Но и сегодняшняя картинка обманчива – температура голубой водицы +4 С, а о том, что на пятидесятиметровой глубине и думать-то холодно.

Но ребятам сейчас не до раздумий – они предельно сосредоточены, как рыцари перед боем. Сходство подчёркивается тяжёлыми доспехами, на каждом одето больше полцентнера. Да и противник предстоит нешуточный: глубина, отрицательная температура морской воды, чёрный придонный ил и, возможно, очень паршивая видимость – здесь вам не Мальдивы или Сейшелы.

В воду уходят Саша и Лёша Кошелев, прыгают с борта прямо на буй, рядом с буюм уже кружится пугающий надувной Зодиак с рулевым, матросом и Антоном – оператором РТР. Поднимаются ребята довольно быстро. На лицах разочарование – на дне ничего. Груз упал на ровную поверхность. Как выяснилось потом, эхолот на судне секторный и поэтому пишет возвышение, даже, если проходит от него в 50 метрах. С видимостью на дне – тоска. Если до 35-36 метров ещё прилично, правда, встречаются целые слои мелких медуз, то ниже – сплошное молоко: планктон во всей своей красе, не зря здесь киты шастают. Впрочем, нам не до китов – нам бы до «Челюскина» дотронуться, да снять на видео. С этой навязчивой идеей и засыпаем, вернее, коротаем в полузабытьи тёмное время до рассвета.

17 сентября время корабельное.

3.30. С рассветом (настоящее время 5.30, это «Рогачёво» живёт по своему Владивостокскому времени) снова

ходим с эхолотом и «рыбой». Солнце лепит вовсю, но на море зыбь. Вот он, злополучный Челюскин, внизу под нами, но нам нужна точная привязка, чтобы не шариться в «молоке». Тригонометрические упражнения, помноженные на интуицию. Кэп Петрович показывает такую филигранную «езду» промеж буёв, любо дорого глядеть. Они со старпомом Михалычем на мостике оба. Нам нужна самая малая скорость, всего пару узлов, а у Рогачёво самый малый – 4-5 узлов. Кэп командует «стоп машина», и на инерции ведёт лайбу, точно держа курс, что на малой скорости – цирковой номер. И это повторяется не раз. На капитана было приятно смотреть – он делал своё дело мастерски и наверняка получал от этого удовольствие. Снова бросили груз – на этот раз должны были уж точно попасть на палубу, как кто-то сказал, на макушку к Семёну Иванычу, или совсем рядом. За поисками и прицельным грузометанием не заметили, как прошло полсутки.

15.30. В воду уходят два Алексея. Договариваются, что если груз на дне, то будут двигаться от него на юго-восток.

Напряжённо ждём. Волнение нарастает, свободные от вахты сгрудились у борта. Вот ребята выходят, вот матрос втаскивает их в лодку, и она идёт к борту.

15.50. Поднимаются по трапу. Лица усталые и разочарованные. Ничего. Выясняется, что пошли не на юго-восток, а на восток. Осуждать их за это – можно, но сначала попробуйте оказаться в морозном молоке на глубине.

Нет, этот Семён Иваныч просто издевается над нами. Это просто мистика. Невольно вспоминаются читанные раньше книги про экспедиции и отвратительном ощущении искателей от паскудности локтя, коего не укусишь при всей его близости.

Начинаем тралить кошкой с лодки к юго-востоку от красного буя. Нет, это мистика: то ли снова мажем, то ли кошка плохая и маленькая, вроде зацепилась и сорвалась.

На сегодня всё – боцман с электриком варят новую кошку. Пытаемся спать, у меня получается плохо.

18 сентября.

3.30 подъём, чай, кофе и лодку за борт. Снова игра с «Челюскиным» в кошки-мышки. Алексей с матросом уютжат на Зодиаке пространство возле красного буя.

И вот наша самострочная кошка цепанула за что-то! Неужели сорвётся? Нет, крепко держит – попался Семён Иваныч! Алексей привязывает очередной буй к концу, выбрав предварительно слабинку – до кошки метров 38, значит, цепанули за что-то на палубе или за надстройку. А может, прямо за штурвал на мостике? Нет, только не делить шкуру неубитого медведя – всё надо делать спокойно. Тем более, что 38 метров это уже в молоке.

Снова два Алексея идут в воду. Снова напряжённое ожидание. Сажу на самом носу и до боли в глазах всматриваюсь в море – не покажется ли меж поблёскивающей ряби голова или буйёк. Над водой показывается красная сигара буйка, выпущенная кем-то из водолазов. Что это? находка или сигнал о всплытии? И вот ребята в лодке и она несётся к нам. Алексей взбирается по трапу. Его покрасневшая физиономия просто перекошена радостной улыбкой. Достает из кармана нечто: погнутое, обросшее ракушками и водорослями. Бросаюсь к нему, колочу по плечам и спине: Лёха, мы сделали его! Поднимается Кошелев и интрига продолжается – на красном буйке, оказывается, болтается добыча, нечто длинное и не лёгкое, предстоит подъём. Трос от буйка наращивают и заводят на брашпиль. Ну, потянули. На всех лицах нетерпение и почти детское ожидание, что вылетит птичка!

Как же медленно работают эти судовые брашпили. И вот из воды показывается дрын, больше метра длиной, весь обросший водорослями и ракушками. Принявший его матрос поднимает высоко над головой и показывает всем. Оператор Антон снимает всё это, а мы стоим и смотрим, и мне кажется, что я слышу стук своего сердца и не только своего. Кажется, все сердца на этой палубе колотятся в унисон!

Всё-таки замечательная попалась нам посудина, а про команду я и не говорю. Они не просто доставили нас на точку и обеспечивают экспедицию, они и мы – это

единый организм, мы все ищем Семёна Ивановича, и мы все вместе нашли его, сделали это. И пусть мы все разные: и по жизни, и по образованию, и по характерам, - пройдёт немного времени, и судьба пошлёт нас каждого делать свою жизнь. Но сегодня мы все: и кэп Александр Вайнутис, и старпом, и длинный худющий электрик, и дед стармех, и боцман, азербайджанец Миша (его восточное имя не в силах запомнить и произнести русскому рту), и мотыль Женя, любитель фотосъемок, и наши кокши Наташа и Таня – мы одна семья искателей подводной истории родины и флота.

Что за деталь скрывается под водорослями, пока виден только один конец – расширяющийся конус, высказывается предположение, что это рукоятка какого-то рычага. Боцман обкалывает ракушку и траву, начинает проявляться форма детали: конус оказывается штырём для вставки, а шар посередине детали с ввинченным кольцом и аналогичное кольцо с вдетой в него скобкой-серьгой подсказывают, что мы достали стойку ограждения. Начинаются гадания и рассуждения. Уже потом, просмотрев кадры, снятые Алексеем (практически ползком по поверхности снимая детали парохода в упор с минимального расстояния, а в молоке иначе и нельзя), приходим к выводу, что подняли стойку со шлюпочной палубы «Челюскина». Впрочем, слово «Челюскин» можно употреблять только как гипотезу. Предстоит послать фотоматериал и пробы металла специалистам в «Бурмейстер и Вейн» – той знаменитой верфи, со стапелей которой и сошёл «Челюскин» в 33-ем году.

Только тогда можно будет с уверенностью заявить о том, что мы – таки нашли его.

19 сентября (время корабельное).

3.30. Как всегда, скорый подъём и готовимся к спуску. Надежда на то, что ещё сможем обследовать капитанский мостик и, конечно, поснимать по возможности. Солнце светит, как в Сочи, но похолодало. Штиль. Все-таки Нептун был милостив, не мешал работать.

Хотя поднять что-нибудь заманчиво, но сегодня это не самоцель. Всё должно делаться по закону. После экспертизы должна быть произведена паспортизация объ-

екта как археологического памятника, и только тогда можно начинать планомерное обследование и поднятие фрагментов для передачи их в соответствующие музеи. Это и Исторический музей России, и Музей Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге и, конечно же, Музейный центр «Чукотка» в Анадыре, где, как выяснилось потом, хотят сделать специальный челюскинский зал, что неудивительно. Ведь «Челюскин» лежит в Чукотском море, можно сказать, в территориальных водах Чукотки, да и спасали челюскинцев с этой северной территории России, а тогда СССР.

Снова уходят в воду водолазы. Снова томительное ожидание, всплывает и пропадает красный надувной буёк-сигара. Потом выяснилось, что он сдулся по непонятной причине и утонул вместе с какой-то находкой. Да бог с ней, с находкой, а водолаз-то где? В этот момент кто-то на палубе крикнул: плывёт, плывёт, и вижу, как у нас под бортом на глубине метров пять продефилировал Кошелев (наверху прозрачность идеальная и видно, что это он). Проплыл и исчез, кричим на лодку и по рации, чтоб шли его забирать, но куда? Лодка движется в предполагаемом направлении. Эти секунды кажутся часами. Прихватывает сердце, да что там у меня, мне к семидесяти, а здоровяк кэп, чуть за сорок, потом признался: «Исакыч, и у меня сердчишко прихватило!» Нет, эти игры с холодной и мрачной бездной всегда на грани. Это по ТВ в срежиссированных сюжетах про экстрим всё выглядит красиво, и умелые оператор с режиссёром нагнетают красивые же ужасы. А правда порой груба и незрелищна, но инфаркт схватить можно, наблюдая эту правду в нервном ожидании на борту.

Ну, вот и всё, на борту на этот год нырялка кончилась. Правда, Михайлов привязал там, на «Челюскине» нечто, что нужно ещё дёрнуть. Привязываем трос, заводим на брашпиль, тянем – обрыв, прихватываем обрывок, благо трос плавающий, и снова дёргаем теперь самим парходом, снова обрыв... Народ на палубе шутит, что Лёша привязался к рубке и хотел её отделить, чтоб поставить в музей целиком. Но это уже спокойные шутки. А не нервнические смешки вчерашнего и позавчерашнего дня.

Нет, не прост этот Семён Иваныч, всё у него приходится брать с боем.

Мы уходим. Круг над точкой, прощальный гудок и разворачиваемся носом на восток, курс на Берингов пролив. Наступает расслабление, ну, просто ничего не хочется делать. Остались приятные мелочи – фотографируемся с флагами наших спонсоров и групповой снимок с командой. Естественно, на переднем плане – стойка ограждения, которую мы с таким трудом отобрали у Челюскина. И, конечно, изящный цилиндр гидролокатора, чья лощённость стильно контрастирует с грубой поверхностью нашего трофея. Фотосессия длится до темноты, ужин, на котором покончено с сухим законом последних дней, и проваливаемся в сон.

20 сентября (время корабельное)

3.30. меня подбрасывает на шконке – пора готовиться к погружениям. Через секунду понимаю: никуда не пора. Сегодня мы пассажиры. Выхожу поднять на бак. Даже не верится, что именно на нашей точке, где вчера мирно плескалась о борт голубая водичка, стоял грохот сжимающихся льдов, и под зловещими сполохами полярного сияния стихия рвала на куски рукотворное железо стометрового парохода. Сколько такого железа покоится на дне морей и океанов – бессильно творение рук человеческих перед силами стихий. Сколько ещё предстоит нам нырять к этим останкам, да и не только нам – и на внуков хватит. Коротка жизнь человеческая, хоть и длиннее, чем у парохода. Семён Иваныч Челюскин родился почти триста лет назад, Отто Юльевич Шмидт – ровесник моей бабушки. Я прекрасно помню его некролог в «Правде». Это было в середине прошлого, вдумайтесь, прошлого века! А сейчас на дворе 21-ый. Век хайтека, а что-то брокеры в почёте, что-то физики в загоне! И, что важно, эти брокеры принесли с собой интернет-культуру, и нет им нужды знать, кто были такие Челюскин и Шмидт! А ведь челюскинская эпопея в чём-то сродни полёту Гагарина. Люди, даже в условиях сталинских порядков, чувствовали себя народом, и все следили за событиями так, как если бы на льдине сидели их родные и близкие.

И когда меня спрашивали в Москве, да и в Анадыре: зачем вам Челюскин, всегда отвечал, может, это поможет вернуть хоть кому-нибудь сопричастность. Так, как случилось с командой «Рогачёво». И ещё. Если после посещения музея, где будут экспонаты с Челюскина (а мы сделаем всё, чтобы так и было), хоть один мальчишка пойдёт учиться на моряка, полярника, гидрографа, я буду считать, что не зря прожил эти три последних года, да и те годы, которые Бог морской положит мне ходить в экспедиции с моими молодыми друзьями.

А вечером в кают-компании подавали Челюскина: Наташа и Таня испекли огромный торт, на котором красовался гордый профиль легендарного и коварного парохода. И мы порезали его всей кают-компанией, ещё раз зацепили «отдельные фрагменты объекта» и съели.

21 сентября (время Анадырское).

Рано утром пришли в Анадырь. Весь день административные хлопоты: администрация округа, порт. Радио «Пурга». Ночью вернулись на Рогачёво – последний ночлег.

22 сентября (время Анадырское).

Тягомотина с отлётом. Администрация организовала коммерческий склад для отправки груза. Представитель Домодедовский авиалиний, дама, с которой мы спорили в 2004 году из-за того, что нам не продали билеты на практически пустой рейс, теперь оказала огромную услугу и помогла нам справиться и с грузом, и перевесом, и ручной кладью, и с размещением в самолете. Спасибо, Наталия Валериановна!

16 40 (время Анадырское). Взлет.

16.20 (время Московское). Посадка.

И все-таки мы сделали это!

Москва – Анадырь – Чукотское море

2006 год, август.

СОДЕРЖАНИЕ

ВАНЬКА ЖУКОВ – 96	3
ЯГОДА – МАЛИНА	6
МАШЕНЬКИНЫ ВЕРШИНЫ	11

Стихи разных лет

Крыжовник.....	23
Под стон пурги апрельской	23
Свирель	24
Женщинам	25
Амфора.....	26
При свете лампы керосиновой	26
Как всегда.....	28

Коллекция типов

Однолюб	29
Бескорыстный.....	29
Лидер	29
Поэтесса	29
Патриот	30
Нарцисс	30
Предусмотрительный	30
Феминистка	30
Подхалим	30
Подсвечник	31
Озвездинелый	31
Обиженный.....	31
Интернетпоэзия.....	31
Моя ликвидность	32
Мемуарное	33
Элегия.....	33
Божественное слово	34
Электричка в вечность	35
В лесу апрельском.....	36
Мой шедевр.....	37

ТРОЕ В ОДНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ, НЕ СЧИТАЯ РАБИНОВИЧА. Второй заход на «Челюскин»	38
--	----

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха “СЛОВЕСНОСТЬ”

ИОСИФ ИСААКОВИЧ РАБИНОВИЧ
Чёрный ящик
проза, стихи, очерк

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — Евгений Степанов
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 04.08.2009
Подписано в печать 07.08.2009

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109193, г. Москва, Большой Знаменский переулок, д. 2,
стр. 3, офис 333. тел./факс (495) 697